

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ – АНАЛИЗ «УРОВНЕЙ ПРИСУТСТВИЯ» В КОНЦЕПЦИИ ДЖ. БЬЮДЖЕНТАЛЯ.

TRUST-BASED COMMUNICATION IN PSYCHOLOGICAL CONSULTATION – ANALYSIS OF «LEVEL OF PRESENCE» IN THE CONCEPT OF J. BEAUDGENTAL

УДК 740

DOI: 10.15372/PEMW20190321

Е. А. Автандилян

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация, e-mail: aea8888@yandex.ru

Avtandilyan, E. A.

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: aea8888@yandex.ru

Аннотация. Проблемы, связанные с доверием и доверительным общением (коммуникацией), давно находятся в поле зрения различных наук, прежде всего, психологии и педагогики. При этом современный смысл этого понятия расширился: доверие понимается не только как вид коммуникации с себе подобными («я» – «другой»), но в том числе по отношению к самому себе. Проведенный в статье анализ классификации уровней взаимодействия между психотерапевтом и пациентом, которые Бьюдженталь называет «уровнями присутствия», и конкретных примеров того, как различные уровни во время беседы способны активировать различные уровни осознанности обоих участников процесса, дает основания утверждать, что доверительная коммуникация есть синтез интеллектуальной и поведенческой функции человека и ее принципы работают по схожим алгоритмам как в психологическом консультировании, так и в других сферах, например, в педагогике или так называемых восточных практиках. Изучение проблем, связанных с доверительной коммуникацией, является вызовом для исследователя, стимулируя к поиску новых, до сих пор неразработанных методов анализа, а также предполагает открытость ученого к синергии с алгоритмами работы, существующими в искусстве или в так называемых восточных практиках, не имеющими подчас прямого отношения к рациональному знанию. Однако усвоение и переработка опыта восточных учений с точки зрения «западной» рациональной науки могла бы пролить свет на некоторые загадки функциони-

Abstract. Problems related to trust and trust communication have long been in the field of view of various Sciences, primarily psychology and pedagogy. At the same time, the modern meaning of this concept has expanded: trust is not only understood as a form of communication with its own kind («I» – «other»), but also in relation to oneself. The analysis of the classification of levels of interaction between the psychotherapist and the patient, which Beaudgental calls «levels of presence» and concrete examples of how different levels during the conversation can activate different levels of awareness of both participants in the process, gives grounds to assert, that confidential communication is a synthesis of intellectual and behavioral functions of a person, and its principles work on similar algorithms both in psychological counseling and in other areas, for example, in pedagogy or so-called «Eastern practices». The study of problems related to trust communication is a challenge for the researcher; stimulating the search for new, hitherto undeveloped methods of analysis, and also involves the openness of the scientist to synergy with the algorithms of work existing in art or in the so-called «Eastern practices», which sometimes have no direct relation to rational knowledge. However, the assimilation and processing of the experience of the Eastern teachings from the point of view of the «Western» rational science could shed light on some of the mysteries of the functioning of the human mind. Finding points of intersection and developing appropriate models of not just comparative but «synergistic» research seems to be one of the first steps to move towards the convergence of the «Eastern and

рования человеческого ума. Найти точки пересечения и разработать соответствующие модели не просто компаративных, но «синергичных» исследований – в этом, как представляется, состоит один из первых шагов для движения в сторону сближения «восточной и западной ветви» научного знания. Бьюдженталь ввел чрезвычайно важное, на наш взгляд, понятие «присутствия», особенно актуальное в контексте консультирования в случае, когда целью является не столько психокоррекция, сколько внутренний рост и саморазвитие. Несмотря на то что данное Бьюдженталем описание феномена «расширения внутреннего зрения» (внимания, присутствия) или осознания (которое, по его словам, в определенные моменты «не нуждается в словах»), пока трудно формализовать и верифицировать доступными современной науке методами, можно утверждать со всей определенностью, что понятия «осознанность» и «присутствие», введенные Бьюдженталем, несомненно являются краеугольным камнем процесса воспроизводства доверительной коммуникации в психологическом консультировании – процесса, без которого любые позитивные изменения в жизненном цикле человека, нуждающегося в подобной помощи, будут весьма условными.

Ключевые слова: доверительная коммуникация, психологическое консультирование, психотерапевт, пациент, осознанность, присутствие, уровни взаимодействия (присутствия), формальное общение, поддержание контакта, стандартные беседы, критические обстоятельства, интимность.

Для цитаты: Автандилян Е. А. Доверительная коммуникация в психологическом консультировании – анализ «уровней присутствия» в концепции Дж. Бьюдженталя // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, №3. С. 3090–3102

DOI: 10.15372/PEMW20190321

Western» branch of scientific knowledge. Beaudgental introduced an extremely important, in our view, concept of «presence», especially relevant in the context of counselling in the case when the objective is not so much psycho-correction as inner growth and self-development. Despite the fact that the description of the phenomenon of «expansion of internal vision» (attention, presence) given by Beaudgental or awareness (which, according to him, at certain moments «does not need words»), are still difficult to formalize and verify by the methods available to modern science, it can be argued with certainty that the concepts of «awareness» and «presence», introduced by Beaudgental, undoubtedly are the cornerstone of the reproduction process of confidential communication in psychological counseling, without which any positive changes in the life cycle of a person in need of such assistance will be very conditional.

Keywords: Trust – based communication, psychological counseling, psychotherapist, patient, awareness, presence, levels of interaction (presence), formal communication, maintaining contact, standard conversations, critical circumstances, intimacy.

For quote: Avtandilian E. A. [Trust-based communication in psychological counseling– the «level of presence» analysis in the concept of J. Beaudgental]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 3090–3102

DOI: 10.15372/PEMW20190321

Введение. О неизбежном движении различных наук, изучающих личность человека, и, прежде всего, психологии в сторону междисциплинарности еще в 1990-х гг. высказался профессор В. А. Петровский: «Личность современного человека, сокрушительный и созидательный потенциал его активности, в наши дни превращается в центральную, или, если обратиться к словам выдающегося современного психолога Л. С. Выготского, – вершинную проблему науки. Вершинную проблему – не только для психологии; многие и многие представители других наук о человеке могли бы повторить эти слова, имея в виду специальные интересы своей науки» [1; 8–9]. В этом контексте интересы психологии, педагогики, философии и целого ряда других наук безусловно пересекаются.

Определение понятий есть первый и необходимый шаг любого исследования. Сложность доверительной коммуникации как объекта исследования связана с тем, что еще до 1980-х гг., по словам А. В. Петровского, существовало ««большое число психологических (и еще больше педагогических)

работ, где межличностные отношения представлены как некие идеальные силы, ни в чем не материализованные и никак не опредмеченные, а потому не поддающиеся конкретному исследованию (здесь и далее, курсив мой – Е. А.)» [2, с. 36].

Одним из терминов, коррелирующих с понятием доверительной коммуникации является аттракция, – понятие, достаточно хорошо разработанное в отечественной психологической литературе. Как свидетельствует Л. Я. Гозман, «рассмотрение аттракции как эмоции ... подготовлено анализом эмоций, содержащимся в трудах Ф. В. Бассина, Л. В. Благонадежиной, В. К. Вилюнаса, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, П. В. Симонова, Г. Х. Шингарева и др. Специфика же аттракции по сравнению с другими эмоциями состоит в ее предмете – аттракция есть эмоция, имеющая своим предметом другого человека» [3, с. 12].

Г. М. Андреева полагает, что в общении можно выделить несколько взаимосвязанных сторон – коммуникативную, интерактивную и перцептивную [4, с. 97]. Нас интересует в первую очередь первая – коммуникативная, представляющая в большей степени эмоциональный аспект взаимодействия.

Близким к аттракции в плане эмоциональной составляющей является понятие эмпатии. Определение эмпатии в психологическом консультировании, которую мы склонны рассматривать как проявление доверительной коммуникации, дал Роджерс: «Ощущение внутреннего мира клиента, как будто это ваш собственный внутренний мир, но при сохранении качества «как будто» – это и есть эмпатия...» [5, с. 99].

Роджерс полагал, что можно выделить несколько различных аспектов эмпатического способа существования в процессе консультирования: «Консультантам следует «влезать в башмаки» и «пробираться под кожу» своих клиентов, чтобы лучше понимать их личный субъективный мир. Консультанты должны быть чувствительными к потоку переживаний, возникающих как у клиентов, так и у них самих в каждый конкретный момент» [5, с. 99]. В данном подходе отчетливо выражена актуальность темы и необходимость разработки проблем, связанных с доверительной коммуникацией психотерапевта и пациента в процессе психологического консультирования.

Постановка задачи. Основной вопрос, конечно же, это вопрос «Как?», или – «Каким образом это можно сделать?» («пробираться под кожу клиента» и т.д.), т.е. каков алгоритм подобного взаимодействия? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, отчасти содержится в концепции «уровней взаимодействия» («уровней присутствия») Дж. Бьюджентала.

Ввиду необходимости ограничить область анализа (так как сфера психологического консультирования является поистине безбрежной), мы будем рассматривать разновидность коммуникации, связанной с доверием участников процесса консультирования (консультант и клиент, психотерапевт и пациент) на примере практических исследований Дж. Бьюджентала.

Методология и методика исследования. Системный подход к рассмотрению доверия как синергичной системе «Я – Мир» позволяет понять различные взаимозависимости в области психологического консультирования, в частности, такую актуальную ее подсистему как коммуникативная среда (консультант и клиент, психотерапевт и пациент) в аспекте доверительной коммуникации. Междисциплинарный подход к изучению проблемы формирования доверительной коммуникации в психологическом консультировании заключается том, что в исследовании могут быть задействованы данные различных наук, поскольку процесс деятельности субъектов по созданию общей коммуникативной среды можно описать с позиций междисциплинарности, используя, по крайней мере, метарезультаты пяти дисциплин: психологии и философии (концепция личности); педагогики (субъектно-деятельностный подход); лингвистики (модель невербальной семиотики); нейронауки (концепция сознания как памяти о деятельности).

Результаты. Рассмотрим проблемы, связанные с доверительной коммуникацией в психологическом консультировании в творчестве Дж. Бьюджентала, который ввел чрезвычайно важное, на наш взгляд, понятие «присутствия», особенно актуальное в контексте консультирования в случае, когда целью является не столько психокоррекция, сколько внутренний рост и саморазвитие (последнее непосредственно связано с проблематикой так называемых «восточных практик, ставших в последние десятилетия востребованными).

Бьюдженталь предложил модель анализа беседы между психотерапевтом и клиентом, которая, по сути, рассматривает беседу как форму доверительной коммуникации.

Присутствие для Бьюджентала проявляется в активизации восприятия личности пациента, выходя его на качественно новый уровень как на внутреннем (по отношению к себе и своему внутреннему миру), так и на внешнем плане (к самой ситуации, другому человеку или людям, задействованным в этой ситуации) – и в «запуске» способности реагировать на оба эти параметра восприятия. Он выделяет две «границы» присутствия, которые пересекаются и могут проявляться попеременно с большей

или меньшей силой, при этом внимание психотерапевта должно быть направлено на менее заметную в данный момент часть.

Эти грани – доступность и экспрессивность. Последняя означает ту степень, с которой человек может позволить окружающим действительно распознать себя в определенной ситуации, что подразумевает «самораскрытие без маскировки» собственных переживаний и требует от пациента готовности работать и прилагать усилия.

Доступность являет собой степень того, насколько пациент позволяет, чтобы происходящее в определенной ситуации имело для него значение и воздействовало на него. Доступность означает ослабление повседневной психологической защиты от влияния других людей и поэтому может означать готовность принять на себя какие-то обязательства.

Бюдженталь утверждает, что «открыть себя чужому влиянию – значит внести существенный вклад в развитие отношений. Присутствие и его составляющие, доступность и экспрессивность, не являются процессами типа «или – или», они всеобъемлющи. Они постоянно изменяются в зависимости от конкретной личности, от ситуации и цели, от обсуждаемого предмета и от многих других факторов» [6, с. 42].

Классификация уровней беседы, данная Бюдженталем, основана на аналогии с «вуалями» Саломеи, чей «Танец семи покрывал» на протяжении тысячелетий продолжает «дразнить воображение», возможно оттого, что в самом человеке можно найти «многослойные защитные вуали», препятствующие той самой «интимности», о которой говорилось в концепции Э. Берна [7], или интимности как высшей степени «присутствия», о которой говорит Бюдженталь.

Бюдженталь утверждает: «Придя в кабинет консультанта, клиенты очень различаются степенью восприимчивости и готовности к тому, чтобы их действительно узнали. В моменты, когда они находятся в состоянии дистресса, полная погруженность в работу наиболее вероятна, но во многих других случаях они отстраняются, скорее докладывая о себе, чем искренне раскрывая собственное бытие в данный момент. Эта неспособность к полному присутствию является наиболее очевидным и действенным способом, с помощью которого клиенты избегают внесения своей субъективности в психотерапевтическую работу» [6, с. 39].

Поэтому он вводит важное понятие – «присутствие», в котором выделяются «пять уровней:

- формальные отношения,
- поддержание контакта,
- стандартная беседа,
- критические обстоятельства
- интимность.

Знакомство с ними побуждает психотерапевта делать необходимые шаги, чтобы помочь клиенту достичь более глубокой погруженности, что является необходимым условием подлинной жизнеизменяющей психотерапии» [6, с. 39].

В разделе, который называется «Осознание и присутствие» Бюдженталь приводит пример психотерапевтической сессии, который называет пародией на «грех неприсутствия».

Клиентка извиняется за опоздание, психотерапевт ее успокаивает: ничего, «но я уже начал без вас». Несмотря на то что данный ответ – полная бессмыслица, клиентка не замечает абсурдности слов психотерапевта и начинает рассказывать о своих переживаниях, «отбарабанивая пункт за пунктом» не обдумывая ни один из них. Бюдженталь задается вопросом: «Так здесь ли сейчас Бетти (клиентка – Е. А.)?». По его мнению, «многие психотерапевты опрометчиво позволяют своему клиенту говорить и говорить, не обращая внимания на то, что он действует скорее, как репортер, а не как личность, стремящаяся к большему осознанию собственной жизни» [6, с. 40].

Понятие «присутствие», по свидетельству Бюдженталья, «обращает наше внимание на то, насколько искренне и полно личность существует в ситуации, вместо того чтобы стоять в стороне от нее, как наблюдатель, комментатор, критик или судья. Фокусирование на присутствии – один из краеугольных камней психотерапевтического искусства» [6, с. 42]. Очевидна связь термина с бытием личности в момент «здесь и сейчас», причем полнота существования в моменте является критерием уровня присутствия.

Он дает следующее определение: «Присутствие – это обозначение качества бытия в ситуации или отношениях, в которых человек глубоко внутри себя стремится участвовать настолько полно, насколько способен» [6, с. 42]. «Качество бытия» личности – важнейший параметр, имеющий философский ракурс рассмотрения, однако заслуга Бюдженталья состоит в том, что он смог «перевести» этот философский термин в практическую плоскость, в сферу эмпирической науки, где данный показатель может быть измерен.

Рис. 1. Семь «вуалей», или уровней присутствия, в порядке их проявления и доли, занимаемой ими в повседневном общении [6, с. 43]

Согласно Бьюдженталю, на рисунке 1 сравнительный размер кругов примерно обозначает степень того, как каждый из уровней присутствия проявляется в обычных беседах. Можно увидеть, что наибольший объем занимают так называемые стандартные отношения между психотерапевтом и пациентом, т.е. сбор информации и умеренное сопротивление пациента. Наиболее важный с точки зрения психотерапевтической работы «раздел», называемый Бьюдженталем «критические обстоятельства», на первом рисунке занимает сравнительно малый объем. Во рисунке 2, который иллюстрирует сравнительную значимость этих уровней в глубинной психотерапии, оба раздела как бы меняются местами относительно своего объема, т.е. на первое место по объему выходит уровень критических обстоятельств или «идеальной работы».

При этом точка в центре является своего рода символом источника «всего того, что изображается», представляя идею «коллективного бессознательного» в трактовке Юнга, предполагающую, что связующей основой нашего жизненного опыта является архаический неосознаваемый перцептивный материал. Для Бьюдженталья это «полезная концепция», если ее не абсолютизировать, поскольку каждый человек имеет свою «долю в этом общем наследии», что может по-разному выражаться в сознательной жизни человека. Несмотря на то, что точно представить все это графически не представляется возможным, Бьюдженталь ставит в центре всех кругов точку, символизирующую «источник». Интересна сама попытка графически изобразить то, что невозможно отобразить, можно предположить, что в этом эпизоде представлена некая парадоксальность мышления ученого, способного схватывать неопишемое и трансформировать его в рациональные и наглядные структуры, что будет еще проявляться в творчестве Бьюдженталья неоднократно.

Далее Бьюдженталь, описывая пять уровней, показывает их значение для практики «глубинной психотерапии», как он ее называет. На рисунке 2 наглядно отражено, что при в процессе консультирования большую долю занимает погружение («идеальная работа» в интерпретации Бьюдженталья), нежели это случается в стандартных разговорах между психотерапевтом и пациентом. Очевидные различия между рисунками 1 и 2 в области стандартных отношений и критических обстоятельств демонстрируют, что психотерапевтам необходимо развивать коммуникативное искусство намного «выше среднего уровня».

Можно сказать, что, называя коммуникацию, являющуюся предметом его научного исследования, «искусством», Бьюдженталь как бы задает новые параметры «измерения неизмеримого», что отражено больше в феномене парадокса, нежели в классической рациональной логике. При этом каким-то чудесным образом ему удастся оставаться в рамках парадигмы «нормальной науки» по Куну.

Рис. 2. Семь «вуалей», или уровней присутствия, в порядке их проявления и доли, которую они занимают эффективных психотерапевтических беседах [6, с. 45]

Очевидно, что сказанное также относится к доверительной коммуникации, и это, с одной стороны, является вызовом для исследователя, стимулируя к поиску новых, доселе неразработанных методов анализа, с другой – предполагает открытость ученого к синергии с алгоритмами работы, существующими в искусстве, и не имеющими подчас прямого отношения к рациональному знанию.

Разберем подробнее каждый из этих уровней, представленных на рисунках 1 и 2.

Первый уровень: формальное общение.

С формального общения, как правило, начинается первая сессия. По Бьюдженталю ключевым признаком формального уровня присутствия является желание клиента «сохранить лицо», максимально ограничив свою включенность в общение с психотерапевтом, сдерживая свои экспрессивные проявления и доступность; также характерно желание все свое поведение держать под контролем. Эта стратегия со стороны клиента может продолжаться до тех пор, пока он не определит, что представляет собой психотерапевт и что надлежит далее делать ему самому.

Подобный контроль осуществляется клиентом посредством тотальной *концентрации внимания на своем имидже* и тем самым, «*уходом от переживаний*». Бьюдженталь полагает, что «в результате, речь клиента, скорее всего, будет более объективной, поверхностной, банальной и прежде всего – безличной» [6, с. 45]. Очевидно, что *уровень доверительной коммуникации при формальном общении достаточно низок*.

Бьюдженталь полагает, что при общении, сосредоточенном на собственном имидже, клиент *отчасти осознает* себя, однако намеренно не раскрывает. Поэтому с его стороны повышенное внимание уделяется внешним проявлениям: грамматической точности формулировок, позе, вежливости. Спонтанность сведена к минимуму или отсутствует вовсе. Психотерапевту в этой ситуации необходимо найти соответствующий баланс: «С одной стороны, необходимо умело следовать за маневрами клиента, чтобы не напугать его еще больше. С другой стороны, необходимо увести клиента с этой относительно бесплодной дороги. Слишком быстро двигаться к большему присутствию (например, настаивать на том, чтобы клиент в самом начале рассказал о фактах, которых он стыдится), и соответственно подталкивать клиента к тому, чтобы отбросить защиту формальностей, скорее всего, будет непродуктивно» [6, с. 45].

В качестве конкретного примера, иллюстрирующего базовое «искусство ведения беседы», Бьюдженталь приводит эпизод из психотерапевтического сеанса между клиенткой Бетти Стивене (которая уже не является новичком и не в первый раз приходит на сеанс психотерапии, хотя то, что она опоздала вынуждает ее обороняться и перейти на формальный уровень) и психотерапевтом Карлтоном Блэйном:

«После нескольких минут, в течение которых Бетти пыталась сказать все разом, доктор Блэйн вмешивается.

П-11. Похоже, вы пытаетесь наверстать потерянное время, стараясь говорить как можно быстрее.

К-11. Да, я понимаю. Это глупо, правда? Но я думала, что если бы вы знали, о чем я думала перед тем, как пришла сюда сегодня, и... Ну, не совсем это, а то, как это было дома. Вы знаете, Кен и я...

П-12 А. Почему бы вам не остановиться на минуту, не *вдохнуть глубоко пару раз и потом обратиться внутрь себя*, чтобы понять, как вы сегодня на самом деле собираетесь использовать здесь свое время?» [6, с. 46].

В данном случае психотерапевт предлагает использовать апробированный тысячелетиями метод так называемых восточных практик – пранаяму, или упражнение с дыханием для реализации также апробированного древней традицией йоги алгоритма по «развертыванию» внимания, или концентрации сознания человека с внешних объектов на «внутреннюю реальность». Представляется, что путем такого «разворота» *осознания с внешних объектов на внутренние постепенно создается предпосылка для формирования доверительной коммуникации* между клиенткой и психотерапевтом.

Интересна также «смычка» между телесным уровнем функционирования организма (манипуляция с дыханием – глубокий вдох) и трансформацией направленности ума – на уровне сознания (развернутость сознания вовнутрь). Это, по-видимому, требует отдельных исследований, которые могут оказаться весьма перспективными, поскольку способны пролить свет на внутренние механизмы взаимодействия сложного феномена под названием «Человек», представленного в восточных учениях по линии триединства «Тело – Ум – Душа».

В примере Бьюдженталья клиентка, внешне соглашаясь, но на деле не замечая предложения психотерапевта развернуть сознание вовнутрь продолжает механически двигаться по «наезженной колее» поведенческих стандартов:

«К-12А. Хорошо, я сделаю это, но сначала я должна рассказать вам о...

П-13А (вмешиваясь). Бетти, сначала – вдох (твердо).

К-13А. Ох-х... (останавливая себя, затихая, вздыхая чуть глубже). Да, вы правы. Я и вправду остановилась. (Вздохи.) Думаю, я чувствовала себя плохой девочкой, которая опоздала и...» [6].

Бьюдженталь предупреждает, что в случае нового клиента, впервые пришедшего на сеанс и не так подготовленного как Бетти, даже такое мягкое давление (волевое воздействие) на клиента со стороны

психотерапевта «было бы чересчур». В подобной ситуации психотерапевту стоило бы проверить готовность клиента, как было сделано выше в примере (П-11), «но если клиент не проявляет готовности использовать помощь (К-11), то психотерапевт не должен так спешить с предложением подышать (П-12А), а быть, скорее, менее настойчивым, чем доктор Блэйн (П-13А). Для менее подготовленного клиента можно избрать другой образ действий. Цель в данном случае – *помочь клиенту сконцентрировать внимание* и ослабить давление необходимости «исполнять» что-то» [6].

Во втором случае Бьюдженталь предлагает более деликатный подход со стороны психотерапевта, не настаивающего на своем методе перевода концентрации сознания клиента вовнутрь посредством дыхания, но просто задающего встречные уточняющие вопросы, которые будут способствовать продолжению осторожного и вместе с тем *неумолимого продвижения вглубь для налаживания канала доверительной коммуникации*:

«К-12Б. На самом деле я не думаю, что это мне чем-то поможет. Я сейчас в порядке, и, кроме того, мне нужно рассказать вам кое-что из того, о чем я думала.

П-13Б. *О чем конкретно?*

К- 13Б. О, просто, может быть, я не должна ходить к местному психотерапевту, так как мой муж стал теперь так известен в обществе. Я имею в виду, что он должен думать о том, как он будет выглядеть в глазах других людей. И потом... но я полагаю, что не должна всерьез

беспокоиться об этом, не так ли? Так же было, когда мы жили в Пало Альто. Вы знаете это место, доктор? Мне нравилось там, и, кроме того, там было что-то...

П-14Б (*спокойно перебивая*). *Какие еще мысли у вас есть по поводу того, стоит ли вам ходить к психотерапевту?»* [6].

Из приведенного выше эпизода очевидно, что техника ведения беседы требует от психотерапевта не только знания точного алгоритма воздействия собственных вопросов и предложений на клиента, но, что не менее важно, *интуитивного ощущения уровня необходимой «дозы» воздействия* на пациента. Последнее предполагает, что психотерапевт неким ему только ведомым способом точно чувствует, например, не только семантическое поле собственных высказываний и степень их интенсивности, но может с высокой степенью вероятности предсказать возможную их интерпретацию со стороны клиента¹.

Данная область исследований предполагает *междисциплинарный подход* с использованием методов анализа не только психологии, но и таких наук, как философия, психолингвистика, нейрофизиология, социология, педагогика и т.д. Разработка проблем, связанных с доверительной коммуникацией, могла бы способствовать дальнейшему продвижению научных исследований в этом направлении.

Второй уровень: Поддержание контакта

Переход на этот уровень наступает, согласно Бьюдженталю, после прохождения первоначальной «новизны» ситуации. Тогда часть пациентов способна сразу включиться в «стандартные» отношения. В то же время, многим из них необходим своего рода «промежуточный шаг», поскольку, несмотря на кажущуюся расслабленность и готовность говорить о своей озабоченности, они могут по – прежнему демонстрировать сдержанность и определенную степень настороженности. Последняя выражается как в виде формальных ответов на вопросы психотерапевта, которые содержат, например, только конкретные факты, так и в виде явного отсутствия искренней заинтересованности в беседе.

В таком случае промежуточной ступенью будет являться общение на уровне «поддержания контакта». По Бьюдженталю данный уровень предполагает сбор фактов о жизни пациента: возраст, адрес, номера телефонов, наличие страховки и т.д., однако в процессе получения этой простой информации психотерапевт одновременно наблюдает, на какие эмоциональные реакции способен клиент и старается уловить стадию, при которой последний будет готов к более глубокому уровню взаимодействия.

Если подобная готовность со стороны клиента не наступает, психотерапевт не должен проявлять никаких признаков нетерпения и обязан воздержаться от любого рода неделикатных «подталкиваний» клиента к вовлеченности в беседу. При этом можно в удобный момент «попросить клиента дать о себе понятную для него информацию (например, спросить, как проходит типичный для него день, как он нашел свою работу, как получал образование). Отвечать на эти вопросы клиент может начать на поверхностном уровне, но, вероятно, вскоре может показать несколько большую вовлеченность. Настроенный на клиента психотерапевт почувствует, когда произойдет это изменение и как его можно усилить» [6, с. 47].

Очевидно, что подобное «слежение» за пациентом предполагает высокую степень концентрации внимания со стороны психотерапевта как на эмоциональных состояниях клиента, так и одновремен-

¹ О проблемах, связанных с интерпретацией, подробнее см.: Автандилян Е. А. Формирование современных образовательных моделей и принципы обучения в творчестве Я. А. Коменского // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №2. С. 1868–1875 [8].

но на собственном ментальном и эмоциональном состоянии. Вновь подчеркнем, что подобная «двух-сторонняя рефлексия» становится возможной только при наличии доверительной коммуникации, осуществляемой психотерапевтом одновременно в двух направлениях: как по линии «я – другой», так и по линии «я – я».

Подобная доверительная коммуникация с самим собой реализуема только в состоянии гармонии и покоя ума, что отнюдь не исключает «расширенную» концентрацию последнего «вовне и внутри», а скорее преумножает ее. Алгоритм выработки такого рода концентрации давно присутствует в восточных моделях саморазвития человека и апробирован на многих поколениях людей, непосредственно занимавшихся (и занимающихся по сей день) так называемыми восточными практиками. Возможно, усвоение и переработка данного опыта с точки зрения «западной» рациональной науки могла бы пролить свет на некоторые загадки функционирования человеческого ума. Найти точки пересечения и разработать соответствующие модели не просто компаративных, но «синергичных» исследований – в этом, как представляется, состоит один из первых шагов для движения в сторону сближения «восточной и западной ветви» научного знания.

Итак, исходя из классификации уровней беседы по Бьюдженталю, очевидно, что разговор на уровне поддержания контакта (второй уровень) необходим для перехода от формальной беседы (первый уровень) к стандартному общению (третий уровень). Интересно, что Бьюдженталь считает, что возможно и реверсивное движение от более глубокого уровня к менее глубокому, например для того, чтобы после очень интенсивного взаимодействия, или перед тем как клиенту уйти, «снизить градус» общения таким образом, чтобы «помочь клиенту подготовиться к встрече с внешним миром». В качестве примера того, как это может быть сделано, Бьюдженталь приводит следующий эпизод перевода клиента с более высокого четвертого уровня критических обстоятельств на менее высокий третий уровень стандартных отношений, а затем и на еще более низкий – второй (поддержание контакта):

«Клиентка – Джессика Томас, психотерапевт – Лестер Браун

К-1. ...У меня голова кругом идет, когда я понимаю, что значит для меня то, что я только что рассказывала. Кажется невероятным, что я так долго видела вещи в таком искаженном виде и, даже более невероятно, как сильно это мешает мне. *(Пауза.)* Ах, проклятие, я должна выйти отсюда через несколько минут, а я чувствую себя так плохо, что даже не уверена, что могу встать. *(Клиент явно находится на четвертом уровне критических обстоятельств.)*

П-1. Не спеши, Джесс. Ты проделала много важной работы сегодня, и тебе нужно сделать свой переход постепенно. Куда ты дальше сегодня пойдешь?

К-2. Как ты сказал? Где я буду продолжать то, что я делала? *(Замешательство из-за того, что психотерапевт сменил уровень.)*

П-2. Нет, я имел в виду буквально: куда ты отправишься, после того как сейчас выйдешь отсюда?

К-3 (очевидно, овладевая собой). Ну, я должна зайти в офис на несколько минут, чтобы забрать письма. *(Третий уровень, стандартное общение.)*

П-3. Как идут дела в последние дни?

К-4. Хорошо, я полагаю. Обычные неприятности, но ничего серьезного.

(Второй уровень, поддержание контакта.)

П-4. То есть ты на коне, а?

К-5. Да-а, именно так. Ну ладно, думаю, сейчас мне лучше пойти» [6; 48].

Безусловной заслугой Бьюдженталья является то, что, разработав данную классификацию уровней ведения беседы, он предложил конкретный алгоритм для осознанного и филигранного овладения движением от одного уровня к другому, причем как «вверх», к более глубокому взаимодействию, так и «вниз», подготавливающего человека после «погружения в глубину» к соприкосновению с жесткими рамками поверхностных взаимоотношений во внешнем мире. Можно предположить, что подобный алгоритм движения в обе стороны также был разработан в разделе восточных практик, однако не был выражен с такой точностью формализации, как это сделал Бьюдженталь.

Этот небольшой эпизод позволяет понять, что взаимодействие так называемых восточных и западных моделей саморазвития возможно не в одну сторону, как использование восточных методов людьми западной культуры (что мы наблюдаем сегодня во всей полноте), но и в противоположную, когда западные технологии, например в области психологии, могут способствовать разработке «техники безопасности» при индивидуальном использовании восточных техник, таких как ставшая весьма популярной в XXI в. «медитация» и т.п. Это с неизбежностью предполагает *взаимообогащение* не только культур в широком (теоретическом) смысле, но и создания новых комплексных методов внутреннего развития в практическом плане.

Третий уровень: Стандартные беседы.

Само слово «стандартное», как полагает Бьюдженталь, говорящее об обычном, вполне ожидаемом, является наиболее употребимым в каждодневных рядовых беседах. Несмотря на то что общение в психо-

терапевтическом кабинете не сводится к стандартным действиям, однако они все же важны тем, что демонстрируют «момент равновесия» между заботами пациента о собственном имидже и его вовлеченностью в выражение внутренних переживаний. На рисунке 3 продемонстрирована, по теории Бюдженяля, зависимость беседы от ее содержания от того «о чем» конкретно идет речь.

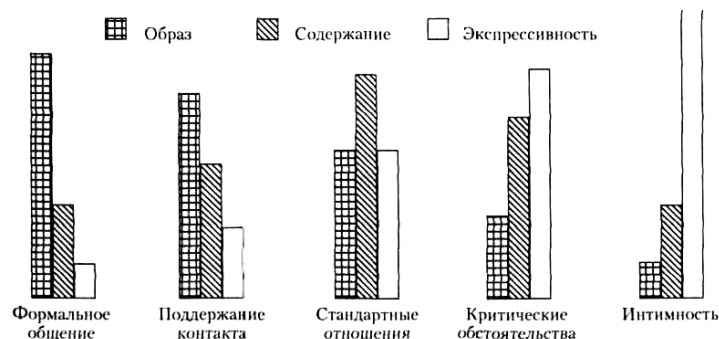

Рис. 3. Различия в соотношении внимания к имиджу, заботы о содержании и необходимости выражения внутренних переживаний в зависимости от уровня присутствия или погруженности в психотерапевтическую беседу [6, с. 50]

Стандартные беседы, в которых могут встречаться разного рода повторы, как правило, не содержат конфликта, но подразумевают искреннюю, хотя и ограниченную вовлеченность пациента.

Бюдженяль характеризует этот уровень, когда человек «с улицы» заходит в контору или магазин, в которых люди работают вместе постоянно и где беседа течет легко и непринужденно, ему сразу становится ясно, насколько отличаются эти разговоры от чопорности первого уровня или от более глубокого эмоционального тона четвертого и пятого уровней. Стандартные беседы характеризуются использованием множества жаргонных словечек и оборотов, которые касаются текущей деятельности и насущных проблем. Люди без видимых затруднений говорят и слушают одновременно, с готовностью смешивают личные и рабочие разговоры, повинаясь необходимости [6].

Третий уровень используется для того, чтобы собрать факты и сведения, непосредственно или частично относящиеся к жизни клиента (состав семьи, характеристики ее членов, образование, профессия, различные должности и места работы клиента, время и опыт прохождения психотерапии и т.д.). В процессе беседы, психотерапевт, подобно хорошему «локатору», должен «поймать» знаки глубоких чувств пациента и его внутренних конфликтов, несмотря на то, что внимание в это время может быть непосредственно направлено на другое (фактическую информацию).

По мере того, как подобные знаки начинают проявляться, возникает возможность перехода на четвертый уровень взаимодействия, который Бюдженяль назвал «критические обстоятельства». Подобный переход характеризуется таким эпизодом:

«Клиентка – Бетти Стивене, психотерапевт – Карлтон Блэйн

П-21. Когда вы были маленькой, что у вас была за семья?

К-21. Обычная. Отец, мать, сестра. Братьев не было. Я всегда хотела иметь старшего брата. Моя сестра была на два года старше меня, и это было чудесно.

П-22. Как вы ладили с ними?

К-22. О, я полагаю, хорошо. Вы знаете, как это бывает в семьях. У нас были свои взлеты и падения.

П-23. Вы можете сказать, чего было больше, взлетов или падений?

К-23. Об этом трудно судить. Приблизительно, как обычно, я полагаю.

П-24. Это звучит не очень уверенно.

К-24. Да, я думаю, я не была действительно счастлива в кругу своей семьи. Я не была близка с ними.

П-25. Со всеми?

К-25. Ну, со своей сестрой (беспокойно меняя позу), но не с папой.

П-26. Может быть, вы хотите побольше рассказать, как вам было с вашим папой?

Здесь психотерапия сначала происходила на стандартном уровне (который виден в том, что ответы с 21-го по 26-й очень краткие), но как только была затронута чувствительная область семейных отношений клиентки, появились признаки более глубоких чувств (слова «я полагаю» в К-22 и К-23). Ясно, что клиент колеблется – касаться или не касаться тяжелых вопросов. Психотерапевт отражает это (П-24), и клиент становится более открытым (К-24), что дает психотерапевту возможность предложить сменить уровень (П-26). Так как это происходит в самом начале работы с этой клиенткой, психотерапевт предлагает ей возможность выбора этой темы, а не старается навязать ее» [6, с. 51].

Взаимодействие психотерапевта с клиентом порой напоминает игру родителя со своим ребенком, когда более опытный игрок (родитель), знающий заранее алгоритм действий и его результат, мягко и неназойливо подводит партнера (ребенка) ко все большей вовлеченности в процесс игры с тем, чтобы в предполагаемом финале последний сам ощутил радость и освобождающее чувство сотворчества. Это наталкивает на мысль о том, что как в начале доверительной коммуникации, так и на ее пике, объединяющее творческое начало (*сотворчество*) становится и предпосылкой, и результирующей всего процесса коммуникации, являясь одной из определяющих качественных характеристик.

Четвертый уровень: Критические обстоятельства.

Для того чтобы привести клиента к значимым переменам в его жизни, основная работа производится психотерапевтом на уровне критических обстоятельств. Реальная трансформация и рост осознания клиентом своей собственной жизни возможен, согласно Бюдженталю, только тогда, когда клиент становится если не полностью, то в значительной части открытым для откровенного разговора с психотерапевтом и не стесняется выразить свои глубинные переживания. При этом важно, что психотерапевт также искренне отвечает клиенту на «том же уровне глубины».

По свидетельству Бюдженталья клиенты, избегающие говорить о своем «способе бытия», фактически обречены на неудачу в процессе психотерапии. Проиллюстрировать это можно следующим образом.

«Клиентка – Бетти Стивене, психотерапевт – Карлтон Блэйн

П-26. Может быть, вы побольше расскажете о вашей жизни с отцом?

К-26А. Лучше не стоит. Как бы то ни было, сейчас уже все позади.

П-27А. Вы говорите так, как будто еще не все позади.

К-27А. Что было, то было, и нет смысла подробно останавливаться на этом (*курсив мой – Е. А.*).

П-28А. Вы на самом деле хотите отбросить все это?

К-28А. Да. Мне бы больше хотелось поговорить с вами о том, что мне делать с сыном. В последнее время он какой-то странный, и я...» [6, с. 52].

В приведенном Бюдженталем диалоге решение клиентки избежать эмоций и связанных с ними воспоминаний лишь свидетельствует о ее обеспокоенности и влиянии этих воспоминаний на настоящее. Само «бегство» от более глубокого погружения в собственные проблемы на уровне критических обстоятельств – уже основание для психотерапевтической помощи.

Однако Бюдженталь настаивает на том, что слово «критический» означает «имеющий решающее значение»: «Когда я говорю о критических обстоятельствах, я направляю внимание на такие моменты и такие разговоры, которые могут приводить к изменениям. Слово кризис обозначает поворотную точку, момент в последовательности событий, который хорошо, или плохо, или как-то еще повлияет на будущие события. Беседы, которые какое-то время проходят на уровне критических обстоятельств, в результате производят подлинные изменения в мыслях, чувствах, словах или действиях одного или обоих участников» [6].

Заметим, что употребляя слово «обоих», Бюдженталь включает в трансформационный процесс и самого психотерапевта. Это очень существенное замечание, свидетельствующее о том, что во время психологического консультирования и психотерапевтических сеансов доверительная коммуникация с двух сторон может приводить к реальным изменениям в жизни не только клиента или пациента, но также и консультанта или психотерапевта. Такая особая «функция» доверительной коммуникации может поставить ее в один ряд с проверенными методиками воздействия на человеческое сознание, чему, вероятно, до сих пор не уделялось достаточного внимания.

Уровень пятый: интимность.

Бюдженталь употребляет слово «интимность» не в общепринятом значении (чувственность, сексуальность, физическая близость и т. п.), а как выражение чего-то очень личного, скорее секретного, того, что не должно стать достоянием гласности и всеобщего обсуждения. По его мнению, некоторые психотерапевты этого термина избегают, рассматривая интимность в отношениях между психотерапевтом и пациентом как неуместную и даже непрофессиональную.

Однако Бюдженталь уверен, что «психотерапия, которая не предполагает моментов искренней интимности, может быть полезной, но никогда не ведет к глубокой конфронтации, необходимой для важных жизненных изменений» [6, с. 56].

Характеристиками уровня интимности является максимальная доступность пациента, его открытость и экспрессивность. В процессе психотерапии это приводит к состоянию, когда клиент практически не заботится о сохранении своего имиджа (рис. 3), поскольку полностью захвачен проявлениями собственных внутренних переживаний, при этом с доверием и готовностью воспринимает сказанное или сделанное психотерапевтом.

Одновременно с этим психотерапевт также максимально открыт и в полной мере воспринимает экспрессивные проявления клиента. Бюдженталь дает следующее описание этого взаимодействия: «Он (*психотерапевт – Е. А.*) максимально настроен на восприятие, его интуиция предельно обострена.

Может возникнуть то, что считается экстрасенсорным восприятием, или телепатией. *Взаимность интимности* – это одна из ее наиболее значимых черт, но эта взаимность принимает у партнеров разную форму. Тогда как клиент открыт и выразителен в чувствах, мыслях и внутренних процессах, психотерапевт в меньшей степени склонен быть вербально свободным. Вместо этого, стремясь быть максимально восприимчивым, психотерапевт одновременно позволяет своей человеческой отзывчивости попасть под влияние переживаний клиента и часто допускает, чтобы клиент заметил это.

В такие моменты я плачу, смеюсь, переживаю глубочайший страх, восторг, страдаю от осознания одиночества и отчаянья, испытываю нарастающий гнев или сексуальное возбуждение и храню молчание, ценя мужество клиента и его глубокую мудрость» [6, с. 56].

По мнению Бюдженделя в моменты подлинной интимности все существо клиента активно включается в процесс «внутреннего осознания», приводящего к новым устойчивым результатам. При этом *изменяющим фактором являются не моменты интимности сами по себе, а «расширенное видение»* пациента (добавим – также и психотерапевта), получаемое в результате этих моментов интимности. Работает данный алгоритм только в том случае, если клиент продолжает сам настойчиво прикладывать усилия даже после того, как прошел «волшебный миг» интимности.

Приводя пример интимности в психотерапии, Бюджендель вновь обращается к эпизоду, когда Бетти, которая сетовала на перемены в своем отце, продолжая работать с болью, которую ей причинила эта перемена, переходит от третьего (стандартного) уровня к четвертому:

«Клиентка – Бетти Стивенс, психотерапевт – Карлтон Блэйн

К-41. Я понимаю, что все время возвращаюсь к этому кулону, который отец подарил мне на той вечеринке, когда мне исполнилось семь лет, и я не знаю сейчас, что это значит для меня, но это снова занимало мои мысли сегодня.

П-41. Угу.

К-42. Я надела сегодня этот кулон. Видите? (Он висит у нее на шее, и она протягивает его психотерапевту.)

П-42. Да, он очень милый.

К-43. Это совсем детский подарок, я знаю, но... (плачет).

П-43. Но?

К-44. Но он так много значит для меня. (Продолжает плакать.) Это... это... это, как будто...

П-44. Ммммм.

К-45...Как будто он... (рыдания) он тогда любил меня. Он любил меня тогда, я знаю, любил (громко плачет).

П-45. Тогда он любил вас.

К-46. Да, тогда он любил меня (плач ослабевает; голос понижается, становится более задумчивым). Но тогда я... но тогда я... что я сделала? Я сделала что-то так, что он перестал любить меня и сердился все время. Что я сделала? (Снова плачет, протестующий тон.)

П-46 (тихо, настойчиво). Что вы сделали, что заставило его перестать вас любить?

К-47 (плач прекращается, взгляд расфокусирован, внутренний поиск). Да... (погружаясь все глубже). Да, что это было? Что я сделала? О Боже!

П-47 (молча ждет).

К-48. Я думаю, что знаю (снова рыдает, лицо несчастное). (Пауза, ничего не осознает, кроме мыслей и чувств внутри себя.)

П-48 (молчит, затаив дыхание).

К-49. Я знаю (спокойно, твердо, смирившись). Я знаю: я стала женщиной!

В этот момент внутри у Бетти что-то раскрылось, и она начала быстро осознавать то, что она уже знала, но не позволяла себе знать так долго. Это внутреннее осознание было гораздо больше того, что она могла свести к словам. В этом расширении внутреннего зрения и состоит движущая сила ее лечения/роста. Бывают моменты, когда это осознание не нуждается в словах. Психотерапевт и клиент были очень близки эмоционально; их головы и туловища наклонены и сближены; они не касались друг друга, потому что в этом не было необходимости. Момент подлинной интимности» [6; 58].

Важно то, что на уровне интимности у пациента появляется шанс столкнуться с привычными паттернами собственного поведения, которые формировались в течение всей его жизни, и путем их осознания обрести надежду на изменения способа «существования» в этом мире. Любопытно, что подобный подход Бюдженделя во многом сопоставим с подходом, изложенным в теории транзактного анализа Э. Берна и его последователей [9–10].

Выводы. Сложно преуменьшить значимость приведенной Бюдженделем классификации уровней взаимодействия между психотерапевтом и пациентом, которые он называет «уровнями присутствия» и конкретных примеров того, как различные уровни во время беседы способны активировать различные уровни осознанности обоих участников процесса.

Взаимодействие психотерапевта с клиентом порой напоминает игру родителя со своим ребенком, когда более опытный игрок (родитель), знающий заранее алгоритм действий и его результат, мягко и неназойливо подводит партнера (ребенка) ко все большей вовлеченности в процесс игры с тем, чтобы в предполагаемом финале последний сам ощутил радость и освобождающее чувство *сотворчества*. Можно утверждать, что как в начале доверительной коммуникации, так и на ее пике, объединяющее творческое начало (*сотворчество*) становится и предпосылкой, и результирующей всего процесса коммуникации, являясь одной из определяющих качественных характеристик.

Существенным вкладом Бьюдженталя в разработку алгоритмов психологического консультирования является также то, что он *включает в трансформационный процесс и самого психотерапевта*. Это означает, что во время психологического консультирования и психотерапевтических сеансов доверительная коммуникация с двух сторон может *приводить к реальным изменениям в жизни не только клиента или пациента, но также и консультанта или психотерапевта*. Такая особая «функция» доверительной коммуникации может поставить ее в один ряд с проверенными методиками воздействия на человеческое сознание, чему, вероятно, до сих пор не уделялось достаточного внимания.

Вместе с тем данное Бьюдженталем описание феномена «расширения внутреннего зрения» (внимания, присутствия) или осознания, которое, по его словам, в определенные моменты «не нуждается в словах» пока трудно формализовать и верифицировать доступными современной науке методами. Называя коммуникацию, являющуюся предметом его научного исследования, «искусством», Бьюдженталь как бы задает новые параметры «измерения неизмеримого», что отражено больше в феномене парадокса, нежели в классической рациональной логике. При этом, каким-то образом ему удается оставаться в рамках парадигмы «нормальной науки» по Куну.

Очевидно, что сказанное выше также относится к доверительной коммуникации, и это, с одной стороны, является вызовом для исследователя, стимулируя к поиску новых, доселе неразработанных методов анализа, с другой – предполагает открытость ученого к синергии с алгоритмами работы, существующими в искусстве или в так называемых восточных практиках, не имеющими подчас прямого отношения к рациональному знанию. Однако усвоение и переработка опыта восточных учений с точки зрения «западной» рациональной науки могла бы пролить свет на некоторые загадки функционирования человеческого ума. Найти точки пересечения и разработать соответствующие модели не просто компаративных, но «синергичных» исследований – в этом, как представляется, состоит один из первых шагов для движения в сторону сближения «восточной и западной ветви» научного знания.

Проведенный анализ показал, что взаимодействие «восточных и западных моделей» саморазвития возможно не в одну сторону, как использование восточных методов людьми западной культуры, но и в противоположную, когда западные технологии, например в области психологии, могут способствовать разработке «техники безопасности» при индивидуальном использовании восточных техник, таких как ставшая весьма популярной в XXI в. «медитация» и т.п. Это с неизбежностью предполагает взаимообогащение не только культур в широком (теоретическом) смысле, но и создания новых комплексных методов внутреннего развития в практическом плане.

Одно можно утверждать со всей определенностью – понятия «осознанность» и «присутствие», введенные Бьюдженталем, требуют дальнейшей разработки и несомненно являются краеугольным камнем процесса воспроизводства доверительной коммуникации в психологическом консультировании, процесса, без которого любые позитивные изменения в жизненном цикле человека, нуждающегося в подобной помощи, будут весьма условными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
2. Петровский В. А. «Я» в персонологической перспективе. М.: ВШЭ, 2013. 502 с.
3. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1987. 175 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1980. 417 с.
5. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 480 с.
6. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
7. Берн Э. Трансакционный анализ в психотерапии. М.: Э, 2017. 366 с.
8. Автандилян Е. А. Формирование современных образовательных моделей и принципы обучения в творчестве Я. А. Коменского // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №2. С. 1868–1875.
9. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 2015.
10. Современный транзактный анализ. М.: Метанойя, 2017.
11. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 1998. 336 с.

12. **Зинченко В. П.** Посох Манделштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа, 1997. 336 с.
13. **Ильин Е. П.** Психология доверия. СПб.: Питер, 2013. 288 с.
14. **Скрипкина Т. П.** Психология доверия. М.: Академия, 2000. 264 с.
15. **Bugental J. F. T., Bugental E. K.** A fate worse than death: The fear of changing // *Psychotherapy*. 1984. Vol. 21. P. 543–549.
16. **Bugental J. F. T.** Seek a wild god. *AHP Perspective*. 1980. March, pp. 8–16.
17. **Bugental J. F. T.** Talking: The fundamentals of humanistic professional communication. Santa Rosa, CA: Author. 1980
18. **New Philosopher**. Issue 22, November 2018 – January 2019. 130 p.

REFERENCES

1. **Petrovsky A. V.** *Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti* [Psychology maladaptive activity]. Moscow: Gorbunok LLP Publ, 1992, 224 p. (in Russ)
2. **Petrovsky V. A.** «Ya» v *personologicheskoi perspektive* [«I» in personological perspective]. Moscow, HSE Publ, 2013, 502 p. (in Russ)
3. **Gozman L. Y.** *Psikhologiya emotsional'nykh otnoshenii* [Psychology of emotional relations]. Moscow: Moscow University Publ, 1987, 175 p. (in Russ)
4. **Andreeva G. M.** *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Moscow University Publ, 1980, 417 p. (in Russ)
5. **Rodgers K.** *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [Perspective on psychotherapy. The development of man]. Moscow: Progress Publ, 1994, 480 p.
6. **Bugental John.** *Iskusstvo psikhoterapevta* [Art of psychotherapist]. Sankt-Petersburg: Peter Publ, 2001, 304 p. (in Russ)
7. **Berne E.** *Transaktsionnyi analiz v psikhoterapii* [Transactional analysis in psychotherapy]. Moscow: E Publ, 2017, 366 p. (in Russ)
8. **Avtandilyan E. A.** *Formirovanie sovremennykh obrazovatel'nykh modelei i printsipy obucheniya v tvorchestve Ya. A. Komenskogo*. [Formation of modern educational models and principles of education in the works Of Y. A. Komensky]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = Professional education in the modern world, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 1868–1875. (in Russ)
9. **Eric Bern.** *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry* [Games that people play. People who play games]. Moscow, 2015. (in Russ)
10. **Stewart I., Jones V.** *Sovremennyyi tranzaktsionnyi analiz* [Modern transactional analysis]. St. Petersburg, Methanoia Publ, 2017. P. 444. (in Russ)
11. **Bugental John.** *Nauka byt' zhivym: Dialogi mezhdru terapevtom i patsientami v gumanisticheskoi terapii* [The Science of being alive: Dialogues between therapist and patients in humanistic therapy]. Moscow: Class Publ, 1998, 336 p. (in Russ)
12. **Zinchenko V. P.** *Posokh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili* [Staff Mandelstam and tube Mamar-dashvili]. Moscow: New school Publ, 1997, 336 p.
13. **Ilyin E. P.** *Psikhologiya doveriya* [Trust psychology]. Sankt-Petersburg: Peter Publ, 2013, 288 p.
14. **Skripkina T. P.** *Psikhologiya doveriya* [Psychology of trust]. Moscow: Academy Publ, 2000, 264 p. (in Russ)
15. **Bugental, J. F. T. & Bugental, E. K.** (1984). A fate worse than death: the fear of changing. *Psychotherapy*, 21, p. 4. 543–549. (in Eng)
16. **Bugental, J. F. T.** Seek a wild god. *AHP Perspective*. 1980, March, pp. 8–16.
17. **Bugental, J. F. T.** Talking: the fundamentals of humanistic professional communication. Santa Rosa, CA: Author. 1980 (in Eng)
18. **New Philosopher**. Issue. 22, November 2018-January 2019. - 130 p. (in Eng)

Информация об авторе

Автандилян Евгений Андроникович – кандидат социологических наук, магистр психолого-педагогических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва. 119991. Ломоносовский просп., 27, корп. 4; e-mail: aea8888@yandex.ru)

Information about the author

Eugenii A. Avtandilian – Ph.D. in Sociology, Master of psychology and pedagogics, Associate Professor at the Department of philosophy of language and communication of the Faculty of philosophy of Lomonosov Moscow state University (Moscow. 119991., 27, off. 4 Lomonosovsky prosp., Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: aea8888@yandex.ru).

Принята редакцией: 9.03.19.

Received: March 9, 2019.